И. К. Стаф

https://orcid.org/0000-0003-3975-6617
✉ *irina.staf@gmail.com*
Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН (Россия, Москва)

«Третий спелый»: фаблио и проблема правдоподобия

Рецензия на: *Delage-Béland I.* Les Fabliaux: Fiction, vraisemblance et genre littéraire. Paris: Classiques Garnier, 2023. (Recherches littéraires médiévales; № 43). 460 p.

Для цитирования: *Стаф И. К.* «Третий спелый»: фаблио и проблема правдоподобия // Шаги/Steps. Т. 10. № 4. 2024. С. 373–381.

Поступило 30 июня 2024 г.; принято 15 сентября 2024 г.

I. K. Staf

https://orcid.org/0000-0003-3975-6617
✉ *irina.staf@gmail.com*
A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Science
(Russia, Moscow)

"The third, ripe one": Fabliaux and the problem of plausibility

A review of: Delage-Béland, I. (2023). *Les Fabliaux: Fiction, vraisemblance et genre littéraire*. Classiques Garnier. 460 p.

To cite this review: Staf, I. K. (2024). "The third, ripe one": Fabliaux and the problem of plausibility. *Shagi / Steps*, *10*(4), 373–381. (In Russian).

Received June 30, 2024; accepted September 15, 2024

© И. К. СТАФ

https://doi.org/10.22394/2412-9410-2024-10-4-373-381

После выхода в свет «Нового полного собрания фаблио» [NRCF 1983–1998] среди медиевистов вновь оживился утихший было спор вокруг возможной дефиниции этого «жанра» или, точнее, поэтической формы. Если классическое определение фаблио, предложенное еще в 1893 г. Жозефом Бедье («смешные рассказы в стихах», contes de rire en vers [Bédier 1925: 30]), с его многочисленными производными[1] было признано недостаточным, а попытки их структурного анализа — анахроничными, то представление о размытых, проницаемых жанровых границах во французской средневековой словесности и о том, что поэты и копиисты использовали жанровые «этикетки» сугубо произвольно, возобладало среди абсолютного большинства историков. Вывод Поля Зюмтора — утверждавшего, что понятия, которые обозначаются «группой лексических единиц, указывающих на не-песенные повествовательные тексты ‹...›, не поддаются никакому определению: *estoire* (“история”), *conte* (“повесть”), *dit* (“ди”, “сказ”), *exemple* (“пример”), *fable* (“басня”, “вымысел”) и уменьшительные от него — *fablel*, *fabliau* (“фаблио”)» [Зюмтор 2003: 163], — превратился в общее место. Решительно возразил П. Зюмтору в то время едва ли не один Нико ван ден Богард, заявивший в 1981 г., что в XIII в. уже существовала фиксированная лексика, которую и поэты, и писцы использовали для обозначения жанров [Van den Boogaard 1984: 666].

Канадская исследовательница Изабель Делаж-Белан исходит из той же предпосылки. По ее мнению, дошедшие до нас рукописи опровергают «живучую идею» об отсутствии жанрового сознания в словесности на народном языке: «...“ярлыки”, которыми снабжены произведения как извне, так и внутри самих текстов, как правило, устойчивы. Точно так же в большинстве случаев маркеры “авторской” (в самом тексте) и “читательской жанровости” (в паратексте) совпадают» (p. 96).

Установив (вернее, подтвердив) посредством лексикологического анализа ряд жанровых характеристик фаблио — краткость, в отличие от романа; отказ от «бретонского материала», в отличие от лэ, а также от песенного начала и от достоверности в том смысле, в каком она трактовалась историографией, — И. Делаж-Белан сосредоточивается на особом понимании вымысла (*fable*), благодаря которому фаблио нашли свое, отдельное место в литературной системе Средневековья. Иначе говоря, задача ее монографии заключается в попытке реконструировать историческую поэтику жанра, исходя из «ярлыка», которым наделяли свои сочинения создатели и слушатели/читатели небольшого (около 150 единиц[2]) корпуса нарративных текстов. «В литературном пейзаже Средневековья слова *fablel*, *fabliau* (для жанра фаблио) и *fable* (для изопетов) — единственные жанровые обозначения, которые сохраняют этимологическую связь с

[1] Ср. [Dufournet 1998: 9]: фаблио — это «смешные, короткие и автономные рассказы, написанные восьмисложным стихом, без символического значения или отсылки к сущности вещей; их персонажи — люди; они описывают в будничном (trivial) тоне приключение, достойное рассказа, ибо оно забавно и/или поучительно».

[2] От 124 до 165 текстов, согласно современным исследованиям. Различные перечни фаблио рассматриваются во второй главе книги; ср. также [Corbellari 2014].

fabula и *fable*. Само собой разумеется, что такой редкий случай заслуживает рассмотрения, пусть даже для этого необходимо рискнуть и заняться изучением терминологии, которое, согласно таким медиевистам, как Поль Зюмтор, обречено на неудачу ...» (p. 27).

Наименование *fabliau*, отсылающее к басне, а главное, к ключевому понятию античной, а затем и средневековой риторики — *fabula* («миф», вымышленное повествование), действительно заслуживает более пристального внимания в подобной перспективе. Тем более что, как справедливо пишет исследовательница, фаблио изобилуют «метапоэтическими» суждениями, и анализ текстов показывает, что в них разработана целая «теория вымысла — выступающая как настоящий предмет изучения ‹...›, — характерная для XIII в.» (p. 31).

Стоит сразу отметить, что основные положения, на которых строится концепция Делаж-Белан, были сформулированы в статьях известного канадского медиевиста Франсиса Женгра[3], в частности [Gingras 2007; 2011; 2018]. Отправной точкой для них обоих служат высказывания Жана Боделя, жонглера из Арраса, стоявшего у истоков жанра и наметившего «отдельные элементы определения этой новой формы короткого рассказа» [Gingras 2007]. В прологе фаблио «Алчный и завистливый» (Le Couvoiteus et l'Envieus; конец XII в.) Жан Бодель так формулирует свое понимание ремесла придворного поэта:

Seignor, après le fabloier
Me vueil a voir dire apoier;
Quar qui ne sait dire que fables
N'est mie conterres regnables,
Por a haute cort a servir,
S'il ne sait voir dire ou mentir.
Mais cil qui du mestier est fers
Doit bien par droit entre deus vers
Conter de la tierce meüre.
[Recueil général 1872–1890 (5): 211]

Сеньор, после лживых басен / Хочу я опереться на правдивый сказ; / Ибо тот, кто умеет излагать только басни, — / Рассказчик неразумный, / Чтобы служить высокому двору, / Коли не умеет он говорить правду или лгать. / Но тот, кто горд своим ремеслом, / Должен прямо между двумя зелеными / Рассказать третий, спелый.

«Третий спелый» — игра слов на основе поговорки «меж двух зеленых третий спелый» (*entre deus verz une meüre*) — по мысли Женгра и Делаж-Белан означает, что поэт отказывается выбирать между ложью и правдой, предлагая «высокому двору» некий третий вид рассказа, «спелый» среди

[3] Под руководством которого И. Делаж-Белан защитила докторскую диссертацию в университете Монреаля (2018); монография представляет собой переработанную версию этой диссертации.

зеленых (*verts*) стихов (*vers*). «Стихи Жана Боделя особенно показательны в том смысле, что по крайней мере частично отвечают на латинское трехчастное деление [повествования], различающее *historia* (рассказ о достоверных фактах) и *fabula* (чистый вымысел, не притязающий на правдивость). Промежуточный же путь, *argumentum*, отсылает к вымышленным, не подтвержденным, однако правдоподобным событиям. Для противопоставления вымысла и правды старофранцузский язык располагает терминами *fable* и *estoire* ‹...›, но *argumentum* при этом не подвергся переводу» (p. 26–27), — пишет Делаж-Белан.

Действительно, триада «fabula — argumentum — historia», восходящая к трактату «О нахождении» Цицерона и к «Риторике к Гереннию», дополненная в «Этимологиях» Исидора Севильского, воспроизводилась почти в неизменном виде в латинских средневековых трактатах по риторике (у Иоанна Гарландского или Гальфрида Винсальвского). Отметим, правда, что канадская исследовательница не вполне точно толкует понятие *historia*. В «Риторике к Гереннию», например, оно определяется как «gesta res, sed ab aetatis nostrae memoria remota»[4] [Cicero 1964: 22]: главным признаком «истории» выступает не столько достоверность, сколько то, что событие случилось в незапамятные времена; три категории повествования в принципе не соотносятся с мимесисом. В литературе же на народном языке, утверждают Женгра и Делаж-Белан, на смену этой триаде приходит оппозиция «вымысел — правда», первый член которой обозначает бесполезное («лживое») развлечение — «вряд ли стоит напоминать, что в произведениях на народном языке *fable*, понятие, восходящее к *fabula*, чаще всего отвергается и рассматривается как синоним лжи» (p. 142; ср. [Gingras 2011: 163–164]), — а второй так или иначе связан с морально-дидактической функцией повествования. Формирующаяся поэтика фаблио призвана восполнить «выпавший» член античной триады, правдоподобный рассказ.

Строки Жана Боделя, на которых основана эта концепция, в самом деле показательны для понимания вымысла в начале XIII в. Но означает ли «третий спелый» некий третий путь нового жанра, отличный и от лживой басни, и от назидательной истины? Что общего между этим выражением и античной триадой, кроме числа «три»? Тем более что сама Делаж-Белан соглашается с многочисленными историками, отмечавшими неактуальность латинских риторических теорий для словесности на народном языке (p. 47). Жонглер утверждает, что хочет «опереться на п р а в д и в ы й сказ», чередовать вымыслы с правдой. Представляется, что речь идет скорее о смешении этих двух понятий у «неразумного рассказчика», которому он, гордый своим ремеслом, себя противопоставляет. Сюжет «Алчного и завистливого» как нельзя лучше отражает именно дидактическую трактовку «правды». Подкрепленный в конце моралью рассказ о встрече двух не слишком добродетельных приятелей со св. Мартином, который, ис-

[4] Букв. «событие реальное, но далекое от памяти нашего века».

полнив желание завистника, лишил его одного глаза, а жадину — обоих, тяготеет скорее к традиции проповеднических «примеров» (*exempla*) и к тому же лишен даже того «карнавального» комизма, каким отличаются аналогичные «чудеса» в других фаблио, например, в «Четырех пожеланиях к св. Мартину».

Развивая аналогию между поэтикой фаблио и *argumentum*, И. Делаж-Белан отмечает, что создатели фаблио «отдают предпочтение мотиву внешнего подобия (*semblance*)» (p. 42), иллюстрируя этот тезис примерами ловкого внушения-обмана — преимущественно женского, как обычно в фаблио, — заставляющего недалекого персонажа буквально не верить собственным глазам («О виллане из Байё» Жана Боделя) или не замечать разницы между учтивыми речами и непотребными делами («Девица, которая не могла слышать о совокуплении»). Между тем *semblance*, о котором средневековые поэты повествуют аудитории, имеет мало общего с риторической категорией правдоподобия: скорее оно соотносится с понятием *faux-semblant*, которое превратилось в аллегорическую фигуру в «Романе о Розе». На наш взгляд, утверждение, что «фаблио ‹...› едва ли не ставят под сомнение релевантность категорий правды и лжи» (p. 394), мягко говоря, — гипербола. Жонглер не видит свою задачу в том, чтобы заставить слушателей признать возможной «ложную видимость»: она вводит в заблуждение разве что незадачливого мужа или претенциозную девицу. Моральный же смысл таких фаблио, как правило, совпадает с тем, что сформулирован в басне Марии Французской «О льве и крестьянине»:

> Par essample nus veut apprendre
> que nul ne deit nïent entendre
> a fable kë est de mençuinge
> ne a peinture que semble sunge;
> ceo est a creire dunt hum veit l'ovre
> que la verité tut descovre.
> [Marie de France 1998, № 37]

> Этот пример нас учит, / что никто не должен верить / ни басне, которая лжива, / ни картине, что кажется сновидением; / верить надо тому, чье видишь дело, / которое раскрывает всю правду.

Канадская медиевистка соотносит рождение той «промежуточной» формы короткого рассказа, какой стали фаблио, с «триумфом вымысла», наблюдавшимся в старофранцузской словесности рубежа XII–XIII вв. В главе «Искушение басней» (La tentation de la fabula) (p. 43–112) она рассматривает функционирование вымысла в романе, в частности у Кретьена де Труа, и его постепенное проникновение в другие жанры — в агиографию, историографию, эпическую поэзию. Однако само понятие вымысла в понимании средневековых поэтов, хронистов, составителей жизнеописаний святых требовало бы более строгого определения: отождествления *fable* с ложью здесь недостаточно. Помимо упомянутых латинских риторов, существовали, например, «Комментарии на “Сон Сципиона”» Ма-

кробия с их разветвленной классификацией различных видов fabulae, не только лживых, но и заключающих в себе глубокий философский смысл.

Трудно не согласиться с мыслью, что «вопрос о вымысле ‹...› предстает настоящим наваждением в контексте изобретающей себя литературы. Его разоблачают, скрывают или открыто прибегают к нему, но нужно признать, что вымысел занимает в текстах обширное место, которое требуется очертить» (p. 47). Но в подробном и насыщенном обзоре Делаж-Белан зияют по крайней мере две характерные лакуны. Прежде всего в нем отсутствуют *exempla* (при том, что слово *essample* встречается в фаблио неоднократно, в том числе как синоним *fablel*); структура «примера», основой которого могла служить любая история, от анекдота до животной басни, в целом тождественна структуре фаблио, которые отличаются от них прежде всего стихотворной формой (восьмисложник с парными рифмами), общей для нарративных жанров эпохи, в том числе романа. В рамках концепции Делаж-Белан это отличие выглядит радикальным: исследовательница неоднократно подчеркивает связь стиха с вымыслом. Однако и это положение нуждается в уточнениях — хотя бы с учетом того, что «Жизнеописания святых отцов» (Vie des Pères), один из основных источников цитат с нападками на «лживые басни» жонглеров и у Делаж-Белан, и у Женгра [Gingras 2011: 163–164], были в XIII в. переложены тем же самым восьмисложником.

Вторая лакуна связана с проблемой рецепции собственно античных *fabulae*, прежде всего Овидия, в литературе эпохи. Как раз в XII в. «Метаморфозы» вошли в «школьный» средневековый канон, а Арнульф Орлеанский создал свой знаменитый аллегорический комментарий к ним. Представление о *fabula* как о покрове (*integumentum*), скрывающем христианские истины, — представление, из которого в XIV в. вырастают толкование «басен» в «Генеалогии языческих богов» Боккаччо и гуманистическая концепция *poeta teologo*, — было распространено отнюдь не только в ученой латинской традиции. Уже Мария Французская в прологе к «Лэ» кратко излагает с отсылкой к Присциану — ту же самую теорию:

Custume fu as ancïens,
Ceo testimoine Precïens,
Es livres ke jadis feseient,
Assez oscurement diseient
Pur ceus ki a venir esteient
E ki aprendre les deveient,
K'i peüssent gloser la lettre
E de lur sen le surplus mettre.
[Marie de France 1973: 1]

У древних было в обычае, / Как свидетельствует Присциан, / В книгах, что они некогда слагали, / Изъясняться довольно темно, / Дабы те, кому в будущем / Придется их изучать, / Могли толковать буквальный смысл / И добавить к нему свой.

Больше того, в прологе к «Изопету» Мария, современница Жана Боделя, сочинения которой, судя по числу сохранившихся рукописей, получили широчайшее распространение и которую, на наш взгляд, по праву считают также одной из родоначальниц фаблио (см., например: [Laïd 2015]), подчеркивает моральное и «философское» начало, присутствующее в самой неправдоподобной басне:

mes n'i ad fable de folie
u il n'en ait philosophie
es essamples ki sunt aprés...
[Marie de France 1998 (Prologue)]

Но нет такой сумасбродной басни, / где бы не было философии / в моралях (букв. «в примерах». — *И. С.*), которые за ней следуют...

Можно ли в таком случае утверждать вслед за И. Делаж-Белан, что создатели фаблио «более дерзновенны, нежели [авторы] остальной литературной продукции на народном языке, которые, как правило, стараются держаться подальше от всего, что связано с басней» (p. 117)?

Книга канадской медиевистки обладает множеством достоинств. Проанализировав огромный материал, относящийся не только к корпусу текстов фаблио, но и к контексту их бытования, изучив все основные рукописи, в которых до нас дошли эти короткие рассказы, сопроводив монографию полезными приложениями и исчерпывающей библиографией, Делаж-Белан подводит промежуточные итоги в исследовании жанра и задает предпосылки для описания его поэтики — только формирующейся, не всегда очевидной, но, безусловно, позволяющей говорить о специфике этого ответвления *fable*. «Длина, форма, функции и положение на оси вымысла — все эти аспекты ‹...›, взятые вместе, превращаются в подобие поэтического искусства» (p. 388). Возможно, сомнения, которые вызывает предложенная ею (и Ф. Женгра) теория, могли бы отчасти рассеяться, если бы в книге большее внимание было уделено понятию *matière* — ‘тематика’, ‘материал’ — и его роли в разграничении нарративных форм. Знаменитые три «материи», заявленные Жаном Боделем в прологе «Песни о Саксах» — французская, бретонская (чисто развлекательная) и римская (поучительная), — требуют разных принципов «оправдания вымысла» в текстах, которые их используют. Причем, как нам кажется, одним из главных критериев здесь служит древность («незапамятность»!) излагаемых событий: не случайно та же Мария Французская в «Лэ» или Кретьен де Труа в «Клижесе» настаивают на правдивости рассказа, ссылаясь именно на давние времена и на «весьма старинные» книги.

Так или иначе, изучение поэтики фаблио в связи с понятием вымысла в Средние века представляется делом плодотворным, и книга Делаж-Белан вносит в него существенный вклад.

Источники

Cicero 1964 — [*Cicero*]. Ad C. Herennium de ratione dicendi (Rhetorica ad Herennium). London; Cambridge: William Heinemann Ltd.; Harvard Univ. Press, 1964.

Marie de France 1973 — *Marie de France*. Les Lais / Publ. par J. Rychner. Paris: Honoré Champion, 1973.

Marie de France 1998 — *Marie de France.* Fables / Éd. de Ch. Brucker. Paris; Louvain: Peeters, 1998.

NRCF 1983–1998 — Nouveau recueil complet des fabliaux (NRCF) / Publ. par W. Noomen, N. van den Boogaard: 10 t. Assen; Maastricht: Van Gorcum, 1983–1998.

Recueil général 1872–1890 — Recueil général et complet des fabliaux des XIIIe et XIVe siècles, imprimés ou inédits: 6 t. / Publ. avec notes et variantes d'après les manuscrits par MM. A. de Montaiglon, G. Reynaud. Paris: Librairie des bibliophiles, 1872–1890.

Литература

Зюмтор 2003 — *Зюмтор П.* Опыт построения средневековой поэтики / Пер. с фр. И. К. Стаф. СПб: Алетейя, 2003.

Bédier 1925 — *Bédier J.* Les fabliaux: Étude de littérature populaire et d'histoire littéraire du moyen âge. 4e éd., rev. et corr. Paris: Honoré Champion, 1925.

Corbellari 2014 — *Corbellari A.* D'un recueil "complet" à l'autre: Les répertoires de fabliaux de Montaiglon-Raynaud au NRCF // L'Étude des fabliaux après le *Nouveau recueil complet des fabliaux* / Sous la dir. de O. Collet, F. Maillet, R. Trachsler. Paris: Classiques Garnier, 2014. P. 15–37.

Dufournet 1998 — *Dufournet J.* Fabliaux du Moyen Âge. Paris: Flammarion, 1998.

Gingras 2007 — *Gingras F.* D'autres genres de vilains: Jean Bodel, le roman et la ville // Synergies Inde. № 2. 2007. P. 97–114.

Gingras 2011 — *Gingras F.* Pour faire court: conscience générique et formes brèves au Moyen Age // Faire court: L'esthétique de la brièveté dans la littérature du Moyen Âge / Sous la dir. de C. Croizy-Naquet, L. Harf-Lancner, M. Szkilnik. Paris: Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2011. P. 155–179.

Gingras 2018 — *Gingras F.* Fabuler et dire vrai: les réalismes et l'histoire des genres narratifs au Moyen Âge // Cahiers ReMix. № 7. 2018. https://papyrus.bib.umontreal.ca/xmlui/bitstream/handle/1866/32575/Gingras%20–%20Fabuler%20et%20dire%20vrai.pdf?sequence=1&isAllowed=y.

Laïd 2015 — *Laïd B.* Les "fabliaux avant la lettre" de Marie de France et le récit comique aux XIIe et XIIIe siècles // Le Fablier: Revue des Amis de Jean de La Fontaine. T. 26. 2015. P. 13–32.

Van den Boogaard 1984 — *Van den Boogaard N.* La définition du fabliau dans les grands recueils // Épopée animale, fable, fabliau: Actes du IVe colloque de la Société Internationale Renardienne. Évreux, 7–11 septembre 1981 / Éd. par. G. Bianciotto, M. Salvat. Paris: Presses Universitaires de France, 1984. P. 657–668.

References

Bédier, J. (1925). *Les fabliaux: Étude de littérature populaire et d'histoire littéraire du moyen âge* (4th ed., rev. and corr.). Honoré Champion.

Corbellari, A. (2014). D'un recueil "complet" à l'autre: Les répertoires de fabliaux de Montaiglon-Raynaud au NRCF. In O. Collet, F. Maillet, & R. Trachsler (Eds.). *L'Étude des fabliaux après le* Nouveau recueil complet des fabliaux (pp. 15–37). Classiques Garnier.

Dufournet, J. (1998). *Fabliaux du Moyen Âge*. Flammarion.

Gingras, F. (2007). D'autres genres de vilains: Jean Bodel, le roman et la ville. *Synergies Inde, 2*, 97–114.

Gingras, F. (2011). Pour faire court: conscience générique et formes brèves au Moyen Age. In C. Croizy-Naquet, L. Harf-Lancner, & M. Szkilnik (Eds.). *Faire court: L'esthétique de la brièveté dans la littérature du Moyen Âge* (pp. 155–179). Presses de la Sorbonne Nouvelle.

Gingras, F. (2018). Fabuler et dire vrai: les réalismes et l'histoire des genres narratifs au Moyen Âge. *Cahiers ReMix, 7*. https://papyrus.bib.umontreal.ca/xmlui/bitstream/handle/1866/32575/Gingras%20–%20Fabuler%20et%20dire%20vrai.pdf?sequence=1&isAllowed=y.

Laïd, B. (2015). Les "fabliaux avant la lettre" de Marie de France et le récit comique aux XIIe et XIIIe siècles. *Le Fablier: Revue des Amis de Jean de La Fontaine, 26*, 13–32.

Van den Boogard, N. (1984). La définition du fabliau dans les grands recueils. In G. Bianciotto, & M. Salvat (Eds.). *Épopée animale, fable, fabliau: Actes du IVe colloque de la Société Internationale Renardienne. Évreux, 7–11 septembre 1981* (pp. 657–668). Presses Universitaires de France.

Zumthor, P. (1972). *Essai de poétique medievale.* Seuil.

* * *

Информация об авторе

Ирина Карловна Стаф
кандидат филологических наук
старший научный сотрудник, отдел классических литератур Запада и сравнительного литературоведения,
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
Россия, 121069, Москва, ул, Поварская, д. 25а
✉ *irina.staf@gmail.com*

Information about the author

Irina K. Staf
Cand. Sci. (Philology)
Senior Research Fellow, Department of Classical Western Literature and Comparative Literary Studies,
A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Russia, 121069, Moscow, Povarskaya Str., 25a
✉ *irina.staf@gmail.com*